

ФИЛОСОФИЯ

УДК 111

Н.А. Балаклеец, В.Т. Фаритов

ФЕНОМЕН ГРАНИЦЫ В КОНТЕКСТЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОСТМЕТАФИЗИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ: К. ХАУСХОФЕР И Ф. НИЦШЕ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00910 «Маргинальные феномены человеческого бытия (Антропология ad Marginem)».

Проводится сравнительное исследование философских учений К. Хаусхофера и Ф. Ницше. Авторы осуществляют экспликацию постметафизических мотивов в геополитическом учении К. Хаусхофера. Обосновывается положение, что, с одной стороны, концептуальные разработки К. Хаусхофера обнаруживают близость к предложенному Ф. Ницше пониманию жизни как «воли к власти», но, с другой стороны, для Хаусхофера неприемлем ницшеанский пафос выхода за пределы установленных границ. Учение Хаусхофера определяется установкой на утверждение и охрану границ, ему присущ не пафос трансгрессии, но апология границ.

Ключевые слова: философия жизни; воля к власти; граница; экстаз; трансгрессия; жизненное пространство; жизненные формы; Ф. Ницше; К. Хаусхофер.

Современная, неклассическая философия Европы, пережившая и продолжающая переживать событие кризиса метафизики, все чаще и увереннее характеризуется как постметафизическая¹. Если классическая метафизика разрабатывала учение о сверхчувственных первоначалах бытия, то в постметафизической философии осуществляется переориентация от сущности к границе. Феномен границы помещается в центр неклассических философских концептуальных разработок и исследований – достаточно упомянуть таких философов, как К. Ясперс, М. Хайдеггер, М. Фуко и Ж. Делез, а также представителей так называемого пространственного поворота [4]. Одним из мыслителей прошлого столетия, посвятившим свое творчество разработке учения о границе, является Карл Хаусхофер. В настоящем исследовании мы ставим перед собой три задачи:

1. Раскрыть универсальное, общефилософское, не сводимое к каким-либо узким и политически ангажированным идеологическим воззрениям значение концепции мыслителя².

2. Эксплицировать связь концептуально-теоретических разработок философа с постметафизическим контекстом европейской философской мысли.

3. Выявить ницшеанские мотивы учения Хаусхофера. Последняя задача обусловлена тем обстоятельством, что философские изыскания Ницше оказали определяющее влияние на формирование постметафизической парадигмы современной неклассической философии³.

И.А. Исаев в своем исследовании пространства правопорядков отмечает: «Граница может быть адекватно оценена только как проблема метафизическая» [9. С. 163]. Применительно к философии XX столетия следовало бы сделать уточнение: как постметафизическая проблема. В сфере концептуальных разработок постметафизической философии граница перестает мыслиться преимущественно как феномен, отделяющий область трансцендентного первоначала от сферы имманентного, конечного существования. Феномен границы получает значимость в контексте исследова-

ний культурных пространств, знаковых пространств (семиосферы), пространств власти. Из вертикальной перспективы метафизической теории двух миров граница перемещается в горизонтальную плоскость множества сосуществующих гетерогенных бытийных и смысловых образований. Данная тенденция берет свой исток в ницшевском перспективизме, в то время как последний обусловлен событием «смерти Бога», утратой доверия к «метанарративам», т.е. кризисом европейской метафизики.

К. Хаусхофер и Ф. Ницше: границы жизненных форм и воля к власти

Границы могут быть установлены Богом, природой и человеком [10. С. 232]. Первый тип границ относится к области религиозного предания и является предметом теологии и метафизической онтологии. Уже в Ветхом Завете мы можем найти понимание события установления границ в качестве божественного творения: «Меня ли вы не боитесь, говорит Господь, предо Мною ли не трепещете? Я положил песок горницею морю, вечным пределом, которого не перейдет; и хотя волны его устремляются, но перевозмочь не могут; хотя они бушуют, но переступить его не могут. А у народа сего сердце буйное и мятежное; они отступили и пошли» (Иеремия 5:22–23). Бог устанавливает границы сущего, Он же устанавливает границы моральных норм и законов. Тем самым границы приобретают сакральный характер. Однако кризис метафизической парадигмы привел сначала к секуляризации, а затем и к нигилистическому ниспровержению священных границ. Установленные Богом границы стали исчезать либо терять свою значимость. В этой ситуации на передний план начинают выходить природные и человеческие границы, а философские исследования границ из сугубо метафизических трансформируются в постметафизические. Еще гегелевские лекции по философии истории сохраняли привязку к метафизической парадигме. Критика географического детерминизма у Гегеля имела своим

основанием утверждение приоритета духа над природой: история есть проявление духа во времени, в то время как природные границы могут выступать в качестве сопутствующего либо препятствующего, но не определяющего фактора [11. С. 119, 126–146]. Объявивший себя последователем Гёте и Ницше, О. Шпенглер осуществляет переориентацию философии истории с области духа в область «живой природы» и «органических форм»: «Культуры эти, живые существа высшего порядка, вырастают со своей возвышенной бесцельностью, подобно цветам в поле. Подобно растениям и животным, они принадлежат к живой природе Гёте, а не к мировой природе Ньютона. Во всемирной истории я вижу картину вечного образования и изменения, чудесного становления и умирания органических форм» [12. С. 32]. На смену философии духа приходит философия жизни.

В свете обозначенных событий и трансформаций в философском дискурсе К. Хаусхофер начинает трактовать границу как конститутивный момент существования жизненных форм (*Lebensformen*). Более того, сама граница утрачивает характер абстрактной линии, которая в лучшем случае может быть представлена графической чертой на карте, а в метафизической перспективе и вовсе не подлежит представлению, являясь умозрительным конструктом. Граница для Хаусхофера сама представляет собой особую жизненную форму, зону борьбы (*Kampfzone*): «Повсюду, где хотелось тщательно провести границу, мы обнаруживали не линии, а только зоны, пояс самостоятельной жизни, заполненный борьбой!» [10. С. 245]. Отказ от метафизических истолкований мира провоцирует поиск принципиально новых перспектив философского мышления. В качестве одной из таких перспектив выступает жизнь, толкуемая Ницше как воля к власти: «Где находил я живое, находил я и волю к власти» [13. С. 119] «*Wo ich Lebendiges fand, da fand ich Willen zur Macht*» [14. S. 447]. Идеи К. Хаусхофера вполне вписываются в парадигму философствования, инициированную Ницше и Шпенглером. В этой связи особое внимание обращает на себя разграничение стареющей и отмирающей жизни и жизни наступающей, бьющей ключом: «Ведь разграничение есть требование природы; но его заостренность враждебна жизни, признак старения жизненных форм, доказательство быстро проходящей и исчезающей, а не наступающей и бьющей ключом жизни. В своей завершающей фазе неподвижность означает смерть, отмирание, и из этого состояния в конце концов может снова забить фонтаном новое лишь после полного устранения прежних жизненных форм» [10. С. 252–253]. Введенное Ницше в пространство философского дискурса различие угасающей и возрастающей жизни (воли к власти) было усвоено Шпенглером для разграничения феноменов культуры и цивилизации. Для Шпенглера определяющим признаком культуры является становление, в то время как цивилизация характеризуется как «ставшее», застывшее и со временем все более отвердевающее.

Следуя данному направлению, Хаусхофер выделяет границы «правильные», «естественные» и противоестественные. Последний тип связан с необхо-

димостью означивания, семиозиса правовых идеалов, норм и законов, ставших враждебными жизни. Такие границы обусловлены стремлением подчинить живую жизнь мертвой «букве закона». Напротив, первый тип есть проявление сильной, бьющей через край жизни. Здесь Хаусхофер, как и Шпенглер, исходит из ницшевской оппозиции восходящей и нисходящей воли к власти. Если культура обнаруживает тенденцию к росту, то она стоит на стороне восходящей жизни, если же она характеризуется установкой на фиксацию того, что уже утратило свою жизненность, то она относится к жизни нисходящей. И в том и в другом случае культура есть жизненная форма, вопрос лишь в том, о какой жизни идет речь: «Разумеется, трудно разрешаема [проблема] во всех тех случаях, когда застывшая форма, отжившая буква закона с его внутренним правом утратили свое значение по отношению к эволюционному или революционному натиску жизни и в конечном счете должны быть опрокинуты естественной силой» [10. С. 264]. Восходящая жизнь характеризуется «возобладанием чувства растущей силы», в то время как для нисходящей жизни характерно «стремление к безопасности из-за ощущения убывающей энергии» [10. С. 443–444].

Противоречие между двумя формами жизни создает напряжение и конфронтацию там, где недостаточно организованные, охваченные распадом жизненные формы пронизывались новой жизнью, причем, само собой разумеется, при плоскостном распространении жизни на некогда разделенной поверхности Земли всегда «древнее право где-то должно быть ликвидировано, а новое создано» [10. С. 468]. В качестве онтологического основания такого понимания взаимоотношений между границами различных жизненных форм может быть представлено ницшевское определение жизни как *Selbst-Überwindung* (само-преодоления): «Смотри, – говорила она, – я то, что всегда должно преодолевать самое себя. Конечно, вы называете это волей к творению или стремлением к цели, к высшему, дальнему, более сложному: но все это единое и тайна. Лучше погибну я, чем отрекись от этого единого; и поистине, где гибель и листопад, там, смотрите, жизнь жертвует собой – ради власти! Пусть буду я борьбой, и становлением, и целью, и противоречием целей; ах, кто угадывает мою волю, угадывает также, какими *кривыми* путями она должна идти. Что бы ни создавала я и как бы ни любила я это – скоро должна я стать противницей ему и моей любви: так хочет моя воля (здесь и далее в цитатах курсив наш. – *Н.Б., В.Ф.*)» [13. С. 119–120].

Переориентация философского дискурса на трактовку исторического процесса как сосуществования множества гетерогенных жизненных форм приводит к постановке вопроса о характере взаимоотношения границ. Воля к власти предполагает как различного рода нарушения, отрицания границ, так и их установление и охрану. В свою очередь, и нарушение и установление границ могут быть проявлением как нисходящей, так и восходящей жизни.

Граница и трансгрессия: нигилизм

Разнообразные нарушения установленных границ в неклассической философии характеризуются с помощью концепта «трансгрессии». Философская и научная мысль второй половины XX столетия проявляет повышенное внимание к трансгрессивным феноменам существования. Так, Ю.М. Лотман осуществил тщательный анализ нарушения границ в семиотическом пространстве и в сфере художественных текстов [15]. Хаусхофер в своем исследовании эксплицирует различные виды нарушения географических и политических границ.

Прежде всего, не следует забывать, что термин «трансгрессия» был заимствован философским дискурсом из области геологической науки, где он обозначает нахождение моря на сушу. Хаусхофер подвергает анализу геополитическое значение данного феномена (не употребляя, правда, самого термина «трансгрессия»): «...на стыке суши и моря, вдоль границы между ними возникает зона борьбы, а именно побережье. Следует строго различать между заманивающими в свои сети и привлекающими побережьями и побережьями как зонами обороны» [10. С. 295]. Выше мы показали, что уже в Ветхом Завете подвижная граница между морем и сушей служит материалом для символизации феноменов сакрального. Впоследствии пространственная антитеза суши и моря станет одной из центральных тем геополитических учений, получит свое концептуально-теоретическое оформление, к примеру, в исследованиях К. Шмитта [16].

Трансгрессия может быть также проявлением «своеволия жизни, оспаривающей постоянные границы», здесь и там разрушающей пограничную практику отдельных государств или групп [10. С. 253]. Стремление подчинить пространство жизненных форм «букве закона», искусственным и подчас насильственно установленным границам наталкивается на сопротивление жизни, не признающей противоестественных (противоречащих интересам жизни) разграничений.

Являясь не абстрактной линией, но ареной борьбы, граница становится областью всевозможных столкновений и боевых действий. Одни жизненные формы наступают на другие, старое и утратившее способность к росту вытесняется новым. Воля к власти проявляет себя как нарушение границ одних жизненных форм другими. Речь может идти о распространении жизни на еще не освоенные пространства, в область «анэйкумены»: «В этой констатации сразу обнаруживается масштаб проблемы противоречия между границей и анэйкуменой, значение признания того, что с быстро растущим оттеснением анэйкумены эйкуменой, с расширением пригодной для жизни земли и с увеличением плотности населения усиливается значение идеи о границе как плацдарме борьбы, как о непрерывно наступающем или отступающем замкнутом, но не сохраняющемся застывшим образовании! Пограничная борьба между жизненными формами на поверхности Земли становится при ее перенаселенности не мирной, а все более безжалостной, хотя и в более гладких формах» [10. С. 276]. Проблема состоит в том, что из перспективы одной жизненной формы в

качестве анэйкумены может выступать пространство другой жизненной формы. Здесь Хаусхофер приближается к ницшевскому пониманию жизни как в основе своей несправедливого и неморального процессу становления и борьбы (воли к власти).

Трансгрессия может представлять собой и откровенный нигилизм, не признающий или же разрушающий границу как таковую: «Поразмыслим также о тех – а их число растет в результате слишком резкого проведения линии, – кто не признает границ и кто разрушает их. Не признающей границ и ее разрушитель – два совершенно различных вида. Один ставит себя выше естественных границ, потому что они для него ничего не значат, а другой сознательно разрушает их, воспринимая такие рубежи, как препятствие, а не защиту и органическое благодеяние» [10. С. 265]. Так Хаусхофер выделяет два различных типа нигилистов: *космополита*, не видящего границу, и *врага границы*, воспринимающего границу как подлежащее устранению зло и препятствие. Отказывающийся признавать границы космополит выступает сторонником всевозможных либеральных идеологических учений; устремлению к разрушению границы соответствуют фигуры революционера и анархиста.

В области философского дискурса нигилистическая установка по отношению к границам получает свое воплощение в философии трансгрессии. Концептуальные разработки и манифесты таких мыслителей, как Ж. Батай, П. Клоссовски, М. Фуко, Ж. Делёз и Ф. Гваттари, представляют не просто осмысление трансгрессивных феноменов существования, но осуществляют идеологизацию трансгрессии, когда нарушение и непризнание границ должно становиться жизненным *specto* [17]. В этой связи И.В. Дёмин отмечает: «Преодоление границ, мыслимое как “освобождение”, является одним из лейтмотивов либеральной и социалистической мысли: марксистской, экзистенциалистской, неофрейдистской, постструктуралистской, постмодернистской. Представители перечисленных философских направлений не задаются вопросом о том, почему вообще существуют границы, за счет чего они держатся, кем и ради чего они оберегаются? В леволиберальном философском и политическом дискурсе границы с самого начала мыслятся как нечто «злонамеренно» *установленное* кем-то, какой-то «репрессивной» властной инстанцией (Отцом, Богом, Языком, Идеологией). Граница есть нечто такое, что подавляет свободу индивида, и человек существует как человек лишь постольку, поскольку он нарушает границы» [18. С. 242]. У Хаусхофера мы можем найти указание на одну из возможных причин появления всевозможных врагов границы: слишком резкое проведение линии [10. С. 265]. Насильственное, оторванное от реальных жизненных условий и противоестественное установление границ провоцирует встречное движение, которое К.Г. Юнг охарактеризовал с помощью понятия «энантиодромии»⁴. Не только в геополитической сфере, но и в пространстве философской мысли установление фиксированных и абстрактных границ вызывает энантиодромию: появляются нигилистические учения, утверждающие трансгрессию в качестве определяющего онтологиче-

ского и экзистенциального горизонта. Превращение трансценденции из жизненного порыва к высшему и абсолютному единству в абстрактное и безжизненное, жизнеотрицающее утверждение потустороннего – вот что является онтологическим (и одновременно культурно-историческим) содержанием провозглашенной Ницше смерти Бога. За смертью Бога с фатальной неизбежностью следует длительный период восхождения нигилизма, результатом которого становятся исчезновение абсолютных границ и абсолютная проничаемость всех еще существующих границ. Хаусхофер указывает на этот феномен в геополитической сфере: «Абсолютных границ больше нет ни на земле, ни на море, ни в ледяных пустынях полярных ландшафтов. Как раз в наше время взялись за раздел границ Арктики и Антарктики под нажимом англосаксов и Советского Союза. На планете больше нет «no man's land» – «ничейной земли»» [10. С. 276]⁵. «Земля стала маленькой» [13. С. 18]. («Die Erde ist dann klein geworden» [14. S. 370].)

Однако и сам Ницше осознавал, что восхождение нигилизма не является исключительно отрицательным и разрушительным по своим последствиям. Появление в геополитике⁶, философии и культуре всевозможных трансгрессивных феноменов в свою очередь должно будет вызвать новое встречное движение, направленное уже не на отрицание, но на установление и защиту границ.

Воля к самоограничению: на пути преодоления нигилизма

Наряду с фигурами врагов и разрушителей границы Хаусхофер выделяет фигуру творца и защитника границы. Трансгрессия уравнивается противонаправленной тенденцией к созиданию и обереганию границ: «Однако грандиозный противоположный ритм перехода границы и сохранения границы, который наделяет историю Старого Света эффективным мотивом постоянства, вероятно, ведет свое происхождение из противоречия между нарушителем границ – скотоводом, кочевником или полукочевником – естественным сторонником права свободного выпаса, и оседлым пахарем – творцом малой границы, вспаханной межи, прочной ячейки» [10. С. 405–406].

XX век и в геополитическом и в философском плане был иллюстрацией высказывания Фуко о том, что трансгрессии суждено стать основополагающим опытом нашей культуры [17. С. 111–133]. Появление фигуры творца и защитника границ задает противоположное направление, указывающее на возможность нового поворота в философском мышлении: от трансгрессии к апологии границ.

В истории философии мы можем выделить три типа отношения к границам. Первый – метафизический – утверждает трансценденцию как выход за границы чувственно воспринимаемого, имманентного и восхождение к сверхчувственному, трансцендентному. Критика метафизики и установка на ее преодоление приводит к появлению второго типа, характеризующегося пафосом отрицания и нарушения границ, т.е. трансгрессией. Уже у Г.В.Ф. Гегеля выход за свои

пределы (Hinausgehen über sich selbst) становится определяющим моментом в его диалектике. У Ф. Ницше самопреодоление (Selbst-Überwindung) становится основным содержанием его учения о воле к власти и сверхчеловеке: «Der Mensch ist Etwas, das überwunden werden soll» (Человек есть нечто, что должно превзойти). В форме учения о преодолении или отрицании границ трансгрессия станет лейтмотивом целого ряда направлений и концепций XX столетия. Третий тип, формирующийся в качестве оппозиции по отношению ко второму, представлен установкой на самоограничение, на полагание границ и их сохранение. Данный тип характеризуется «готовностью к самоопределению» (Selbstbestimmungsmündigkeit) [10. С. 260].

Selbstbestimmungsmündigkeit представляет собой ответ ницшевскому Selbst-Überwindung: утверждается не выход за свои собственные границы, не самопреодоление, но добровольное самоопределение и самоограничение. Бытию-вне-себя, становлению иным (гегелевское «Hinausgerissenwerden») противопоставляется стремление к бытию-в-себе, к обретению своих собственных границ и их осознанному полаганию. Хаусхофер говорит в этой связи о необходимости воспитания «осознанного чувства границы» [10. С. 339]. При этом речь не идет о замыкании в ограниченном пространстве и тотальной отгороженности от всего иного. Напротив, именно осознание собственных границ и их принятие выступает в качестве необходимого условия человеческого бытия и подлинной коммуникации. Граница одновременно разграничивает и соединяет. Признание собственных границ требует признания и границ другого, на основании чего становится возможным полноценное взаимодействие с другим именно как с другим. Трансгрессия, в свою очередь, ведет к устранению границ между мной и другим, в результате чего о коммуникации уже не может быть и речи: нет, собственно говоря, того, с кем можно было бы коммуницировать. Непризнание границ нередко связано с агрессивной установкой на ассимиляцию или устранение другого. Подлинная коммуникация (будь то дружба или любовь) возможна только при условии сохранения другого в качестве другого, а себя – в качестве себя, т.е. требуется осознанное полагание границ, а не их преодоление или нарушение. Оппозиция друг – враг, которая, согласно К. Шмитту, составляет основу политического, также предполагает установление и сохранение границ между «своим» и «чужим».

Пафос трансгрессии оправдан в случае чрезмерно жесткого и противоестественного полагания границ. Кроме того, трансгрессия может рассматриваться как симптом разлагающейся и гибнущей жизненной формы, например культуры. В этом смысле Ницше был прав, выступая с императивом «человек есть нечто, что должно превзойти». Данный императив вполне соответствует тому «настроению заката мира» (Weltuntergangsstimmung), которое все больше будет распространяться в Западной Европе после смерти Ницше. Из этой перспективы философ обращается с призывом: «Превзойдите этих господ сегодняшнего дня» [13. С. 289]. («Diese Herrn von Heute überwindet mir» [14. S. 582]).

Хаусхофер формулирует другой императив: «Обладающий верным инстинктом народ должен так построить каждую мельчайшую ячейку, чтобы ее граница была способна однажды стать границей самой крупной жизненной формы» [10. С. 362]. В этой формулировке чувствуется полемическая отсылка к кантовскому императиву: поступай так, чтобы максима твоей воли могла стать основой всеобщего законодательства. Формулировка «самая крупная жизненная форма» есть геополитическая максима, долженствующая обладать значимостью для любых культурно-исторических форм. И вместе с тем геополитический императив Хаусхофера ориентирован уже не на всеобщее и универсальное, но на конкретное-единичное, на жизненную форму, существование и рост которой требует утверждения и охраны границ. Хаусхофер, подобно Н.Я. Данилевскому и О. Шпенглеру, утверждает многообразие жизненных форм, несводимых к какому-либо универсальному единству. И вместе с тем жизненным формам предписывается установка на достижение максимальной полноты жизненного пространства («Lebensraum») и его границ. В учении Н.Я. Данилевского данное противоречие представлено в еще более резкой форме: с одной стороны, утверждается многообразие культурно-исторических типов, а с другой – проводится идея универсальной и исключительной значимости славянского союза. На наш взгляд, истоки данного противоречия не следует искать в области идеологии. Противоречие это является конститутивным моментом самой философии жизни⁷. Жизни, понимаемой как воля к власти, присуще имманентное стремление к достижению максимальной степени

могущества. Концепция Хаусхофера, противопоставляющая «натиск жизни» «букве закона» [10. С. 252], как было показано выше, вполне вписывается в данное философское направление.

Вместе с тем Хаусхофер не признает насильственного захвата границ, «простое навязывание воли более сильного, которое география и история иногда подтверждают, а чаще отвергают» [10. С. 260]. Понимая вслед за Ницше границу как зону борьбы жизненных форм, Хаусхофер не разделяет трансгрессивный пафос автора учения о сверхчеловеке. В философском плане концептуальные разработки одного из основоположников геополитики ориентированы не на трансгрессию, не на ницшевское *Selbst-Überwindung*, но на самоопределение (*Selbstbestimmung*), на утверждение и защиту границ⁸. Таким образом, ницшеанскому пафосу выхода за пределы и преодоления границ может быть противопоставлен пафос утверждения границ, ограничения. Исследования Хаусхофера содержат установки, предвосхищающие данный возможный поворот к философии само-ограничения. В этом заключается философская, универсальная (т.е. выходящая за рамки отдельной исторической эпохи и политической ситуации) значимость работ мыслителя. Как явствует из проведенного исследования, историко-философский процесс в действительности не бывает представлен одной линией, но носит контрапунктный характер: одновременно развиваются сразу несколько «голосов», которые то пересекаются, то расходятся по разным направлениям. Соотношение учений Ницше и Хаусхофера может быть представлено в виде такого контрапункта, где точки схождения перемежаются с точкам расхождения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., например, у отечественных исследователей [1–3].

² Трактовка геополитического учения К. Хаусхофера как реакционного и связанного с идеологией национал-социализма утрачивает свою актуальность. Однако объективная и непредвзятая оценка концептуальных разработок мыслителя все еще остается задачей современных исследователей (см., например, [5–7]).

³ К.А. Свасьян так характеризует сферу влияния «По ту сторону добра и зла»: «Книга, раскупленная современниками в считанных экземплярах, разоидется в ближайшие десятилетия баснословными тиражами, если допустить, что счет мог бы вестись не только по ней самой, но и по Шпенглеру (в теме заката Европы), Ортеге (в теме “восстания масс”), Гуссерлю (в теме “кризиса европейских наук”), Максцу Шелеру (в теме “ниспровержения ценностей”), Вернеру Зомбарту (в теме героического противостояния гешефту), Вальтеру Ратенау (в теме революции как вертикальной миграции масс), Хайдеггеру (в теме метафизических углублений феномена нигилизма), Андрею Белому (в теме Европы-мулатки и томагавка грядущего хама, грозящего Джоконде), Бердяеву, Шестову, философам жизни, экзистенциалистам, всей волне доктринеров немецкой консервативной революции, от Меллера Ван ден Брука до Эрнста Юнгера, и прочая, прочая, предположив, что центральное место в этой веренице за новым типом и качеством восприятия как такового, уже вовсе не нуждающегося в текстах Ницше, чтобы воспринимать и чувствовать “по Ницше”» [8. С. 794–795].

⁴ Данным термином К.Г. Юнг характеризует «...выступление бессознательной противоположности, причем именно во временной последовательности. Это характерное явление встречается почти всюду, где сознательной жизнью владеет крайне одностороннее направление, так что со временем вырабатывается столь же мощная бессознательная противоположность» [19. С. 584].

⁵ О феномене «ничейной земли» см. [20].

⁶ Ницше говорит о «большой политике» (см., например, [21]).

⁷ Н.Я. Данилевским были фактически предвосхищены основополагающие установки философии жизни (см.: [22]).

⁸ И.В. Дёмин усматривает в установке на оберегание границ существенное определение консерватизма: «Интегральное понимание консерватизма, на наш взгляд, может быть выражено с помощью формулы: консерватизм есть защита границ и апология ограниченности» [18. С. 240]. Хотя данный тезис и не является бесспорным, для целей нашего исследования значима сама тенденция обращения к апологии границ, которую мы эксплицируем в учении К. Хаусхофера.

ЛИТЕРАТУРА

1. Глухов А.А. Перехлест волны. Политическая логика Платона и пост-ницшеанское преодоление платонизма. М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2014. 584 с.
2. Дёмин И.В. Метафизика и постметафизическое мышление в зеркале историософии. Самара : Самар. гуманит. академия, 2016. 238 с.
3. Малкина С.М. Постметафизические конфигурации онтологии. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2015. 268 с.
4. Балаклея Н.А. Пространство, тело и власть в концепции А. Лефевра // Диагностика современности : глобальные вызовы – индивидуальные ответы : сб. материалов Всерос. науч. конф. с международным участием. Самара : Самар. гуманит. академия, 2018. С. 129–138.

5. Ebeling F. Die Grenze in der Betrachtung der Geopolitik in Deutschland // Die Grenze: Begriff und Inszenierung. Berlin : Akad. Verl., 1997. S. 73–81.
6. Рукавицын П.М. Концепция континентального блока Карла Хаусхофера // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. 2008. № 10 (225). С. 113–122.
7. Куткин В.С. Геополитические идеи Карла Хаусхофера // Гуманитарные науки в XXI веке. 2017. № 39. С. 42–44.
8. Ницше Ф. Сочинения : в 2 т. М. : РИПОЛ КЛАССИК, 1998. Т. 2. 864 с.
9. Исаев И.А. Топос и номос: пространства правопорядков. М. : Норма, 2007. 416 с.
10. Хаусхофер К. Границы в их географическом и политическом значении // Классика геополитики, XX век. М. : АСТ, 2003. С. 227–599.
11. Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. СПб. : Наука, 1993. 480 с.
12. Шпенглер О. Закат Европы. Минск : Харвест ; Москва : АСТ, 2000. 1376 с.
13. Ницше Ф. Полное собрание сочинений : в 13 т. Т. 4: Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого. М. : Культурная революция, 2007. 432 с.
14. Nietzsche F. Gesammelte Werke. Köln : Anaconda Verlag GmbH, 2012.
15. Фаритов В.Т. Феномены границы и трансгрессии в исследованиях Ю.М. Лотмана: онтологические основания семиотической философии // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 434. С. 77–82. DOI: 10.17223/15617793/434/9
16. Шмитт К. Номос земли в праве народов *jus publicum euroraeum*. СПб. : Владимир Даль, 2008. 670 с.
17. Танатография Эроса: Жорж Батай и французская мысль XX века. СПб. : Мифрил, 1994. 346 с.
18. Дёмин И.В. Семиотика истории и герменевтика исторического опыта. Самара : Самарская гуманитарная академия, 2017. 273 с.
19. Юнг К.Г. Психологические типы. М. : Олимп; АСТ, 1998. 720 с.
20. Балаклеец Н.А. Terra nullius и отношения власти в социальном пространстве // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 396. С. 38–42. DOI: 10.17223/15617793/396/6
21. Апфель Ф. Ницше против демократии. СПб. : Наука, 2016. 287 с.
22. Фаритов В.Т. Н.Я. Данилевский как философ: граница и трансгрессия в истории // Вопросы философии. 2019. № 2. С. 107–117.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 3 сентября 2020 г.

The Phenomenon of the Border in the Context of European Post-Metaphysical Philosophy: Karl Haushofer and Friedrich Nietzsche

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 459, 61–67.

DOI: 10.17223/15617793/459/7

Natalya A. Balakleets, Ulyanovsk State Technical University (Ulyanovsk, Russian Federation). E-mail: bnatalja@mail.ru

Vyacheslav T. Faritov, Ulyanovsk State Technical University (Ulyanovsk, Russian Federation). E-mail: vfar@mail.ru

Keywords: philosophy of life; will to power; border; ecstasy; transgression; living space; life forms; Friedrich Nietzsche; Karl Haushofer.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 19-011-00910.

The article presents a comparative study of the philosophical doctrines of Karl Haushofer and Friedrich Nietzsche. The authors explicate post-metaphysical motives in Haushofer’s geopolitical doctrine. They demonstrate that, on the one hand, Haushofer’s conception is close to the understanding of life proposed by Nietzsche as the “will to power”, but, on the other hand, the Nietzschean pathos of going beyond established boundaries is unacceptable to Haushofer. The authors substantiate the position that the modern non-classical philosophy of Europe, which has survived and continues to experience the event of the crisis of metaphysics, is more and more confidently characterized as post-metaphysical. If classical metaphysics developed the doctrine of the supersensible principles of being, post-metaphysical philosophy is reoriented from essence to the border. The phenomenon of the border is placed at the center of non-classical philosophical conceptual development and research. The authors show that, in the light of the indicated events and transformations in the philosophical discourse, Haushofer begins to interpret the border as a constitutive moment of the existence of life forms. Moreover, the border itself loses the character of an abstract line, which at best can be represented by a graphic line on the map, and, in a metaphysical perspective, it cannot be represented at all, being a speculative construct. The authors substantiate the thesis that the appearance of all kinds of transgressive phenomena in geopolitics, philosophy and culture should cause a new oncoming movement, aimed no longer at denying, but at establishing and defending borders. The authors draw attention to the fact that, along with enemies and destroyers of the border, Haushofer also has the creator and defender of the border. Haushofer’s doctrine, therefore, affirms voluntary self-determination and self-restraint, the desire to find one’s own borders and consciously affirm them rather than going beyond one’s own borders, self-surmounting. The authors also show that, following Nietzsche’s understanding of the border as a zone of struggle between life forms, Haushofer does not share Nietzsche’s transgressive pathos. In philosophical terms, Haushofer’s conception is focused on self-determination, on the establishment and protection of borders, not on transgression. Thus, the authors come to the conclusion that the Nietzschean pathos of going beyond borders and overcoming borders can be contrasted with the pathos of affirming borders and limitations. Haushofer’s studies contain attitudes that anticipate this possible turn toward a philosophy of self-restraint.

REFERENCES

1. Glukhov, A.A. (2014) *Perekhlest volny. Politicheskaya logika Platona i post-nitssheanskoe preodolenie platonizma* [Wave overlap. Plato’s political logic and the post-Nietzschean overcoming of Platonism]. Moscow: HSE.
2. Demin, I.V. (2016) *Metafizika i postmetafizicheskoe myshlenie v zerkale istoriosofii* [Metaphysics and post-metaphysical thinking in the mirror of historiosophy]. Samara: Samar. gumanit. akademiya.
3. Malkina, S.M. (2015) *Postmetafizicheskie konfiguratsii ontologii* [Post-metaphysical configurations of ontology]. Saratov: Saratov State University.
4. Balakleets, N.A. (2018) [Space, body and power in the concept of A. Lefebvre]. *Diagnostika sovremennosti: global’nye vyzovy – individual’nye otvety* [Diagnostics of the present: Global challenges – individual responses]. Proceedings of the International Conference. Samara: Samara Academy of Humanities. pp. 129–138. (In Russian).
5. Ebeling, F. (1997) Die Grenze in der Betrachtung der Geopolitik in Deutschland. In: *Die Grenze: Begriff und Inszenierung*. Berlin: Akad. Verl. pp. 73–81.

6. Rukavitsyn, P.M. (2008) Kontseptsiya kontinental'nogo bloka Karla Khaushkofera [Karl Haushofer's concept of the continental block]. *Obozrevatel' – Observer*. 10 (225). pp. 113–122.
7. Kutkin, V.S. (2017) Geopoliticheskie idei Karla Khaushkofera [Geopolitical ideas of Karl Haushofer]. *Gumanitarnye nauki v XXI veke*. 39. pp. 42–44.
8. Nietzsche, F. (1998) *Sochineniya: v 2 t.* [Works: In 2 vols]. Translated from German. Vol. 2. Moscow: RIPOL KLASSIK.
9. Isaev, I.A. (2007) *Topos i nomos: prostranstva pravoporyadkov* [Topos and Nomos: Spaces of Rule of Law]. Moscow: Norma.
10. Haushofer, K. (2003) Granitsy v ikh geograficheskom i politicheskom znachenii [Borders in their geographical and political meaning]. Translated from German. In: Korolev, K. (ed.) *Klassika geopolitiki, XX vek* [Classics of geopolitics. 20th century]. Moscow: AST. pp. 227–599.
11. Hegel, G.W.F. (1993) *Leksii po filosofii istorii* [Lectures on the philosophy of history]. Translated from German. St. Petersburg: Nauka.
12. Spengler, O. (2000) *Zakat Evropy* [The Decline of the West]. Translated from German. Minsk: Kharvest; Moscow: AST.
13. Nietzsche, F. (2007) *Polnoe sobranie sochineniy: v 13 t.* [Complete works: In 13 vols]. Vol. 4. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya.
14. Nietzsche, F. (2012) *Gesammelte Werke*. Köln: Anaconda Verlag GmbH.
15. Faritov, V.T. (2018) Phenomena of border and transgression in Yuri Lotman's research: ontological bases of the semiotic philosophy. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 434. pp. 77–82. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/434/9
16. Schmitt, C. (2008) *Nomos zemli v prave narodov jus publicum europaeum* [The Nomos of the Earth in the International Law of Jus Publicum Europaeum]. Translated from English. St. Petersburg: Vladimir Dal'.
17. Fokin, S.L. (ed.) (1994) *Tanatografiya Erosa: Zhorzh Batay i frantsuzskaya mysl' XX veka* [Thanatography of Eros: Georges Bataille and the French thought of the twentieth century]. St. Petersburg: Mifril.
18. Demin, I.V. (2017) *Semiotika istorii i germenevtika istoricheskogo opyta* [Semiotics of history and hermeneutics of historical experience]. Samara: Samara Academy of Humanities.
19. Jung, C.G. (1998) *Psikhologicheskie tipy* [Psychological Types]. Translated from English. Moscow: Olimp; AST.
20. Balakleets, N.A. (2015) Terra nullius and power relations in social space. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 396. pp. 38–42. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/396/6
21. Appel, F. (2016) *Nitsshe protiv demokratii* [Nietzsche contra democracy]. Translated from English. St. Petersburg: Nauka.
22. Faritov, V.T. (2019) N.Ya. Danilevsky as philosopher: Border and transgression in the history. *Voprosy filosofii – Problems of Philosophy*. 2. pp. 107–117. (In Russian). DOI: 10.31857/S004287440003878-0

Received: 03 September 2020